Classica Cracoviensia
XVIII, 2015
DOI: 10.12797/CC.18.2015.18.23

OLGA ŚMIECHOWICZ
(UNIWERSYTET JAGIELLOŃSKI)

ВОПРЕКИ ТОМУ ВРЕМЕНИ… ОТЕЦ И СЫН ФАДДЕЙ ФРАНЦЕВИЧ ЗЕЛИНСКИЙ И АДРИАН ИВАНОВИЧ ПИОТРОВСКИЙ

SUMMARY: The present paper analyses how the biography of Tadeusz Zielinski, one of the most famous Polish classicists, was influenced by the history of Poland, Russia and Germany. (He was living in Sanct-Petersburg, Leipzig and Warsaw.) On the basis of his *Autobiography* and *Diary* I am trying to seek his real personality apart from the common knowledge about the famous scholar with outstanding publications and thousands of students. In his private papers Zielinski had openly described his "colorful" student life and love affairs, but he concealed his illegitimate children… One of them – Adrian Petrovsky – was a classicist, translator and dramatist. He was the first translator who translated all Aristophanic Comedies into Russian (1934 – first edition). After the premiere of the ballet *The Limpid Stream* (with music by Dmitri Shostakovich, libretto by Petrovsky), censors banned the piece and Petrovsky was attacked in a "Pravda" editorial. Shortly after that he was arrested by the NKVD (November 1937) and shot in prison (15 November 1937).

KEYWORDS: Tadeusz Zielinski, Classics in Russia, translations, Greek theatre, Adrian Petrovsky.

Фаддей Зелинский – один из самых крупных исследователей античной культуры. Первое воспоминание, приходящее на ум при звуке его имени это коллоквиум по грамматике древнегреческого

языка, а именно третье склонение, и его проницательные глаза, смотрящие с настенной фотографии. Это не глаза человека, который простит, который не обратит внимания на студенческие недостатки.

Когда мы смотрим на его научные работы, мы в полной мере осознаём, что это человек особенный, воплощающий недостижимый идеал учёного. Даже сегодня, даже в наше время, хотя прошло почти 100 лет, когда в Санкт-Петербургском Университете разговариваем с научными сотрудниками кафедры классической филологии, мы чувствуем, что они говорят не об учёном, о сотруднике, а как будто говорят об одном из великих обитателей Олимпа.

Ханна Геремек, историк античности была связана с Варшавским университетом. Последние годы своей жизни занималась исследованиями, связанными с биографией и научными достижениями Фаддея Зелинского. Рукопись его автобиографии *Mein Lebenslauf* (автобиографию он написал в Шондорфе в 1924 году в Германии) Ханна Геремек нашла в Японии[1]. Эти воспоминания шестидесятипятилетний учёный писал ретроспективно. Читая их, нам может показаться, что к своим юношеским шалостям он подходил с пониманием и ничего не приукрашивал, описывал свою жизнь в соответствии с фактами, и достоверно. Трудно сопоставить серъёзного учёного, профессора СПб Императорского университета, замечательного знатока античности, с описанием его студенческих приключений, его встреч в немецких тавернах, где по вечерам он сидел с товарищами за кружкой пива, читая (разумеется) Аристофана. Когда в воспоминаниях Фаддея Ф. Зелинского мы читаем о его студенческой жизни, нам всем хочется, чтобы у нас был именно такой друг, такой сосед, живущий с нами в одной комнате, такой спутник наших юношеских приклчений. Он был всегда весёлым и всегда готовым к новым исследованиям, а кроме того очень одарённым и исключительно талантливым человеком. В своей автобиографии Зелинский открыто пишет (автобиографию он писал прежде всего для своих детей) о своих первых увлечениях, о том, как ходил на сельские танцы, рассказывал о своих странствиях по горам, о приключениях. Даже о том, что во время обучения в Венском университете он «неприличным образом» жил в одной комнате с девушкой (Zieliński 2005: 106).

[1] Дневники (1939-1944) годов Ханна Геремек нашла в Петербурге.

Говорят, что его любовные победы стали легендой. Учёный шутил, что вместе с ним в Петербург приехал вальс в ритме ¾ (Zieliński 2005: 112). Он был поклонником вестфальского пряника и брауншвейгской колбасы (Zieliński 2005: 43) (зато ненавидел песочную бабу [Zieliński 2005: 23]). Всегда выделялся из толпы, был ярким, прекрасно выглядел и отличался интеллектом. Как сам говорил о себе: «северная душа, которая хочет вырваться из холода на горячий юг» (Zieliński 1972: 6). Но, чего можно ожидать от мужчины, который делает предложение своей будущей жене на лодке, когда вокруг бушует гроза (Zieliński 2005: 117)?

Говоря о биографии ученого, мы всегда имеем в виду его научные труды: научные публикации, результаты научной деятельности, награды, его непосредственных учеников и последователей. Мы не обращаем внимания на время, в котором Зелинскому пришлось жить, и которое сыграло непосредственную роль в его биографии, мы считаем его само собой разумеющимся. Все мы помним эти исторические события. Мы не задумываемся об этом, не рассматриваем в какой реальной действительности ему пришлось трудиться, с какой суровой реальностью ему пришлось столкнуться, какие препятствия ему все создавали: и поляки, и белые и красные, и нацисты (национал-социалисты). У него не было места, где он чувствовал бы себя, как дома. Когда он был в России, он писал на немецком языке, когда был в Германии – писал по-русски (Zieliński 2005: 235). В ответ на все политические – *измы* (национализм, социализм) и собственную судьбу, он создал свою частную идеологию, назвав её «супранационализм» (Идея нации, требующая не подавления, а развития национальных особенностей – это уклон в сторону каждого народа, с которым он связывал свою судьбу) (Zieliński 1999: 75).

ВОПРЕКИ ТОМУ ВРЕМЕНИ

Фаддей Францевич Зелинский родился в 1859 году в Киевской губернии Российской империи (ныне Киевская область Украины), в обедневшей дворянской польской семье. В 1863 году (имевшем ключевое значение для польско-русских отошений) четырёхлетний

мальчик лишился матери. Вспоминая детство, он говорит, что был мальчиком спокойным и смирным сидящим всега с книгой и не было больших хлопот с его воспитанием (Zieliński 2005: 17). (Со временем у него появился интерес к химии, а особенно к альхимическим экспериментам [Zieliński 2005: 38]). После смерти матери он жил с отцом в Петербурге. Впоследствии в доме появилась гувернантка, ею стала молодая русская девушка, которая с мальчиком говорила только на французском языке. Это привело к тому, что он почти ничего не знал о городе в котором жил, почти не знал русскую литературу, не принимал участия в культурной жизни столицы, а на языке страны, в которой жил, говорил только с прислугой (Zieliński 2005: 19). Развитию способностей мальчика много времени уделял отец, который сам был воспитан в старой дворянской среде в традициях гуманизма, которые хотел передать своему сыну. Отец подбрасывал ему очередные шедевры польской литературы, например Адама Мицкевича, запрещённого в России (отголосок недавнего Январского восстания 1863 года) *Пана Тадеуша,* в честь которого будущий учёный и был назван. В своей автобиографической книге он пишет, что мачеха (русская девушка ранее служившая в доме гувернанткой) привозила из-за границы эти книги, которые прятала от таможенников. Привозила французские издания Мицкевича, которые покупала в Берлине (Zieliński 2005: 19). С детства у него сохранилось воспоминание, о том, что когда он был испуганным мальчиком, ожидая опаздыающего отца, он спрятался за комод с зеркалом и, чтобы заглушить тревогу (об отце), громко спрягал глаголы: amo, amas, amat… Дойдя до amaverunt услышал весёлый голос отца – «vel amavere» (Zieliński 2005: 19). Домашние занятия продолжались до десятилетнего возраста, а затем мальчика надо было отдать в гимназию. Была выбрана школа Св. Анны, где преподавание велось на немецком языке и его коллегами были дети из немецких семей. Выбор такого училища был вызван тем, что недавнее Польское восстание углубило раскол в польско-русских отношениях. Легко можно себе представить какой ад могли ему устроить в русской школе его русские одноклассники, он мог даже столкнуться с неприязненным отношением к нему учителей. Поэтому отец и решил послать его в школу с немецким языком, где его учителями

были немецкие протестанты (Zieliński 2005: 21). В этой среде он был принят как ещё один эмигрант. Занятия в школе проводились на немецком, кроме того Фаддей учился английскому языку, а русский язык всё время оставался на элементарном уровне (Zieliński 2005: 31). Много времени он посвящал греческому и латинскому языкам. Но когда его отец умер, дядя со стороны отца, ставший опекуном осиротевшего мальчика, потребовал, чтобы тот после окончания школы продолжал образование в технологическом институте (Институт дорожного строительства).

В начале молодой Зелинский принял это абсолютно безразлично, но потом, когда на его пути стали появляться одарённые учителя преподающие античную культуру и языки, харизматические личности, подросток пересмотрел свои академические планы (Zieliński 2005: 29). Когда дядя узнал об этом, он попросту выгнал молодого человека из дома, лишил его всякой материальной помощи и порвал все отношения (Zieliński 2005: 36). В то время, когда Зелинский блистательно окончил среднюю школу, по счастливому совпадению в Лейпциге была открыта филологическая семинария, он решил, что поедет в Лейпциг к професору, к «самому Георгу Куртюсу» (Zieliński 2005: 39). Это было в 1876 году. Фаддей Зелинский на несколько лет ушел с головой в латинский и греческий языки, занимался также санскритом и вопросами методологии (Zieliński 2005: 45). Вероятно он сидел бы там до сих пор, между ворохом бумаг и истлевшими от сырости словарями, но однажды в коридоре он увидел объявление. На нём был только адрес, место встречи, время и название трактира. С этого вечера в студенческой жизни Зелинского началась новая эра. Достаточно сказать, что на следующий день, первый раз в жизни, он почувствовал, что такое похмелье (Zieliński 2005: 49). В этом трактире он познакомился с новыми друзьями, со спутниками общих «пивпоходов», которые пережил благодаря крепкой голове (Zieliński 2005: 65). В тот памятный первый вечер в трактире, они читали в лицах какую-то комедию Аристофана, при этом эффектно мешая другим гостям (Zieliński 2005: 47). Товарищи по «пивпоходам» встречались регулярно и ещё больше укрепляли дружеские отношения, которые сохранились на долгие годы. Кроме оживлённых дискуссий о греческой комедии,

возник юношеский интерес к социаизму (Zieliński 2005: 63). Замечательная бурная студенческая жизнь, благодаря которой студент Зелинский часто возвращался домой ранним утром, ни в коем случае не мешала академической карьере, не имела деструктивного влияния на его научную деятельность. Первым его успехом была конкурсная работа, посвящённая древнеаттической комедии *О синтагмах* за которую он получил награду -профессорскую стипендию (Zieliński 2005: 55-56). На следующий год он опять получил такую же высокую стипендию, но тогда Зелинский обязан был в Лейпциге написать и защитить докторскую диссертацию (Zieliński 2005: 58). Свою первую диссертацию о последних годах Пунической войны он защитил в Лейпциге в 1880 году (Zieliński 2005: 58). За это время все его друзья уже успели покинуть Лейпциг, начиная новый этап жизни, и молодой учёный покинул Лейпциг без особого сожаления. Он уехал работать в Мюнхенский университет.

Там он кропотливо изучал историю древнего искусства. Проклиная свою плохую зрительную память, он пытался изучить различия между школами и мастерами (художниками) (Zieliński 2005: 70). На зимний семестр он поехал в Вену, там он занимался латинской эпиграфикой и изучением итальянского языка, так как весной хотел отправиться в Верону и Виченцу, а потом ещё дальше, в Венецию. В Венеции он восхищался картинами написанными Винченцо Беллини и Тьеполо (Zieliński 2005: 75). Весть о смерти царя Александра II застала его на Площади Сан Марко (Zieliński 2005: 77). Оттуда (из Венеции) отправился в Падую, а затем в Болонью, Флоренцию, Рим и Неаполь. Свои очень бурные итальянские приключения с женщинами он называл «этнологическими» (Zieliński 2005: 107). Дальше по пути была Греция. Первую встречу с Грецией он начал с острова Корфу и через Коринфский залив попал в Лутракион (строительство Коринфского канала началось на годом раньше в 1881 году), а дальше в Пирей и Афины. С новыми друзьями, которых встречал на своём пути, и с бутылкой вина, он шатался по улицам Афин. А ранним утром, сидя у подножия Парфенона, провозглашал тосты за предков: за Иктина, за Фидия и Перикла (Zieliński 2005: 84). Объехал весь Пеллопонес (Zieliński 2005: 85). В Мюнхен Зелинский возвращался через Пизу, Геную, Милан и Цюрих. После шести

лет пребывания за границей, он вернулся на поезде в Петербург, осенью 1882 года (Zieliński 2005: 86). Но здесь учёный сталкнулся с бюрократической махиной, которая так хорошо описана Гоголем. Здесь не признают его магистерскую степень и ему приходится защищать диссертацию вторично. Он плохо владел русским языком, но вторично писал на этом «плохом» языке магистерскую диссертацию *О синтагмах в древнегреческой комедии* (Zieliński 2005: 90). (Со временем слово *синтагма* заменяет другой научный термин – *агон*.) Для того, чтобы научное сообщество приняло его как учёного и научного сотрудника, достаточно было написать (ещё раз!) докторскую диссертацию. С 1884 года он стал работать преподавателем Петербургского университета. 21 января он провёл первую лекцию посвящённую комедии Аристофана. На ней присутствовало только пять слушателей, однако у него были не только такие проблемы (Zieliński 2005: 95). Тогдашний университет так же, как и сегодняшний, был связан с левыми силами. И хотя его коллеги не одобряли политику монархии, то это не значит, что любили и благоприятствовали полякам. Научные сотрудники относились к нему недружелюбно и сдержанно, в сущности Зелинский тоже не стремился к тому чтобы искать у них симпатию. В воспоминаниях он определённо писал о том, какое впечатление производили на него его учёные коллеги, писал что это «научные нули» (Zieliński 2005: 129). Он не обращал внимания на них, в личных отношениях держался в стороне, и бросился в водоворот дел. До 1886 года учёный усердно работает над докторской диссертацией. Он дал ей название: *О дорийском и ионическом стилях в древнеаттической комедии*. Но здесь его постигла неудача. Университет в Петербурге не принял его работы. От Зелинского требовался только сухой, написанный в сжатом виде анализ, а эта работа была слишком новаторская и широкая по содержаню. Инновационный образ мышления не был целесообразен и нужен для того, чтобы получить научное звание (Zieliński 2005: 120). Русские учёные сомневались в его научном будущем. Они считали, что Зелинский ничего особенного собой не представляет. Сегодня фамилий этих учёных никто не помнит… Точно также неизвестна фамилия человека который ему посоветовал: «Ваше

положение в науке будет зависеть не от того, что о вас напишут, а от того, что вы сами напишете» (Zieliński 2005: 122).

Подготовленная им докторская диссертация не была принята в Петербурге. Зелинский отправил свою диссертацию в университет в Дерпте (нынешний Тарту), где успешно её защитил. Несколько лет спустя, Ульрих фон Виламовиц-Меллендорф пишет, что это «работа достойна цитирования» (Zieliński 2005: 122). Это было благословением величайшего современного научного авторитета для его дальнейшего научного пути. Такой констатацией он закрыл рот всем критикам. Однако «дорпатское отступничество», которое использовал Зеленский, чтобы обойти негативную оценку учёных Петербургского университета, не прибавило ему друзей (Zieliński 2005: 122). Первые пятнадцать лет он ничего не издавал. Но годы молчания в результате дали потом 200 авторских листов: это были комментарии и научные трактаты, среди которых не было, как он сам подчёркивает, ни одного научно-популярного текста (Zieliński 1972: 17). Он работал в тишине библиотеки. Как позже определял это Ян Парандовский: в своих научных исследованиях он целиком был сосредоточен именно на конкретах, на узкоспециалистических деталях, знание которых приводит к тому, что «коллеги по делу» начинают тебя уважать (Zieliński 1972: 7). На занятиях со студентами он занимался метрикой, грамматикой и текстологией, но число студентов с течением времени всё сокращалось (Zieliński 1972: 7). Предметом лекций не были темы: интерпретация текста, исторический контекст, интертекстуальность, внутренний смысл. «Об этом не говорилось, но это чувствовалось» (Zieliński 1972: 18). Тогда ещё никто не учил классических филологов, как делать занятия интересными. Поэтому они с завистью смотрели на учителей истории, у которых на занятиях собирались толпы студентов. Симптоматичным является факт, что Пётр Никитин выдающийся исследователь античности, который занимал посты декана историко-филологического факультета и ректора Петербургского университета, убеждённый в том, что классическое образование необходимое и историку и филологу любого профиля, и не видя возможности аннулирования Министерством прсвещения предложения о упразднении преподавания древних языков, подал в отставку. Его место занял Фаддей

Зелинский, получив кафедру греческого языка и лекции по греческой трагедии, которыми завоевал авторитет в студенческой среде, и которые стали поворотным моментом в его карьере.

Он по прежнему плохо владел русским, но тем, что притягивало к нему, было его ораторское мастерство и умение увлечь слушателей. Зелинский читал лекции, не глядя в свои записи, не читал «по бумажке», они были для филолога только «страховкой» (Zieliński 2005: 126). Он был сторонником живого общения с аудиторией. В это время свобода формы имела решающее значение, так как содержание лекции становилось только дополнением. Он решил обновить учебную программу, отказаться от грамматики и текстологии. Революцию в обучении он начал с *Вакханок* Еврипида – эта лекция оказалась переломоной. Харизматичность взяла верх над серьёзностью учёного. Студентов увлекли и содержание и блестящая форма изложения. Лекцию закончили овации студентов, чего раньше никогда не случалось. С тех пор научную деятельность Зелинский проводил на двух фронтах: с одной стороны дотошный анализ понятный только профессионалам, с другой – популяризаторская деятельность. К сожалению, он снова столкнулся с реальной жизнью. Это была действительность вне стен университета. Во времена Александра III, правительство относилось с недоверием к университетам, а тем более к классической филологии (Zieliński 2005: 142). Новый университетский устав резко ограничивал автономию университетов, ставя их под контроль попечителей. Наступило новое усиление цензуры, печать подвергалась цензуре и острому политическому режиму. Зелинскому трудно было найти подходящее место для публикации своих текстов. Журналы «Русский вестник», «Русское обозрение» и «Русская мысль», были слишком консервативными, а их редакторы были согласны с тем, что интерес к античности несомненно закончился. (Более прогресивными были, выходящие тогда в Петербурге «Вестник Европы»,,и «Мир Божий»). Далее ситуация усложнилась: коллеги не испытывали к Зелинскому симпатии и открыто выражали неприязнь, не желая работать с поляком (Zieliński 1972: 20). Наконец учёный нашёл подходящий журнал. Он стал печатать свои труды в московском научно-политическом журнале «Русское слово». Молодой учёный сотрудничал с этой

общероссийской газетой, благодаря которой его тексты могли стать известными в самых далёких уголках страны (Zieliński 2005: 180). Но следующей проблемой, которая ограничивала поле его деятельности (эта проблема существует и по сей день), а также ограничивала интеллектуальную свободу, был низкий уровень знаний и низкий уровень исследований греческой и римской античности. Сегодня в этой области можно рассчитывать только на Московский и Петербургский университеты. В общем такая ситуация не давала (и сейчас тоже не даёт) широкой читательской среды. Поэтому, если Фаддей Зелинский хотел печатать свои тексты на русском языке, он должен был помещать их в неспециализированных периодических изданиях. Это требовало от него много работы, требовало также и много времени, но никто не знал – дадут ли эти действия ожидаемый эффект. Общество незнакомое с достижениями античной культуры, было равнодушно к ней. Надо было её сделать понятной и интересной для широких масс. Учёный был вынужден выбрасывать из текста всё нежелательное, целый «научный аппарат»: примечания, профессиональные термины и определения. Он не мог даже в самом лучшем случае предполагать, что читатель образован, и знаком с проблемой, о которой пишет автор. Прежде всего ему необходимо было воспитать будущего читателя. Это требовало от него много работы, и никто не мог дать ему никаких гаранй, что эта работа не окажется напрасной. Тексты учёного, которые в то время появлялись в печати в большинстве случаев имели научно-популярный характер. Зелинский боялся, что при таком сочинительстве он обретёт не славу серьёзного учёного, а печальную известность популяризатора. К счастью, его громадная и добросовестная работа не пропала даром. Несколько лет спустя ему удалось повторно опубликовать эти стати, но в этот раз на немецком языке, снабжённые примечаниями, комментариями к тексту и цитатами они являлись профессиональными, высококачественными статьями. Владея несколькими языками, учёный писал свои работы на немецком и польском языках. Публикации, которые он печатал за рубежом, открывали для его научной деятельности новые возможности. Опираясь на его автобиографические заметки очень трудно сказать, чувствовал ли он когда нибудь, что он на своём месте. Поляк по

происхождению, среди русских коллег, он всегда подчёркивал свою национальность, и поэтому у него было немного друзей. А иногда это только увеличивало число врагов. Фаддей Зелинский болезненно ощущал отсутствие поляков. Вспоминал, что когда получил профессуру и переехал с молодой женой и маленьким сыном из Царского Села в Петербург, отношение к нему в университете не было приятным (Zieliński 2005: 125). Поляк по происхождению, он принадлежал к той группе российской интеллигенции, которая ориентировалась на Запад, на западные культурные традиции. Он работал в России, но друзья у него были из Германии и страной его настоящих симпатий была Германия. Фаддей Францевич Зелинский был приглашён на работу в Мюнхен, ему удалось пройти всю процедуру конкурса. В итоге, хотя у него не было друзей и было немного близких людей в Петербурге, он не решился на переезд, ему было неудобно оставить своих студентов (Zieliński 2005: 144-145). В 1905 году казалось, что отношения в университетских кругах изменились, и обращение к нему стало более дружественным. Его назначили на должность декана. Но для многих было немыслимым, что деканом российского университета может быть назначен поляк (Zieliński 2005: 148). Однако на выборах Зелинский победил и хотел доказать, что декан-поляк будет самым лучшим (Zieliński 2005: 149). И действительно, он привёл в порядок материальные дела университета, искал компромисс с научными сотрудниками, даже теми, которые восстали против него. Пытался укротить молодых боевиков, которые не занимались учёбой, и которые бойкотировали лекции. Он был настолько решительным и эффективным, что начал получать письма с угрозами (Zieliński 2005: 158-159). В 1909 году в двадцатипятилетний юбилей, он получил Звание Почётного доктора Московского университета. Это были самые лучшие годы его работы. На его лекциях присутствовало до 600 человек (Zieliński 2005: 162). Но с 1912 года опять началась острая кампания против учёного-поляка. Тем студентам, которые посещали его лекции, это могло принести неприятности, и тогда количество слушателей значительно снизилось (Zieliński 2005: 174). По их мнению, поляк не мог стать академиком, не мог добиваться международных успехов (Zieliński 2005: 185). По словам Фаддея Зелинского, некоторые в

этом конфликте стали более русскими чем вся царская династия (Zieliński 2005: 186). Неприязнь к нему проявляли его университетские коллеги. Зелинский не мог обвинять в недружелюбии властей – он получал награды, учёные степени и стипендии. Но когда к власти пришли большевики, он перестал быть российским учёным и был лишен всего: и пенсии, и денег, были анулированы ценные бумаги (Zieliński 2005: 187). Условия жизни настолько ухудшились, что Зелинский, который был лишён средств к существованию, вынуждён был искать работу. Он мог эмигрировать: Октябрьская революция и Гражданская война привели к тому, что для учёного было невозможно продолжать свои научные занятия. Особенно нестерпимой была для него невозможность поддерживать контакты с западноевропейскими учёными, кроме того профессор, который поддерживал связи и дружил с немецкими учёными, мог быть жертвой будущих притеснений. Он мог официально присоединиться к партии, но ему стыдно было связывать своё имя с большевиками. Для многих это могло иметь самое важное значение в оценке учёного. В то время, когда царствовала распоясанная, карнавальная атмосфера первых революционных лет, он не принадлежал ни к какой партии (Zieliński 1999: 15). С Анатолием Луначарским, будущим наркомом просвещения в Советском правительстве, профессор-филолог познакомился на Башне у Вячеслава Иванова, ещё до революционной бури, потом сотрудничал с ним в качестве редактора в издаваемой министерством серии посвящённой театру[2]. (Революционный театр искал творческого вдохновения. Нарком просвещения современный театр признавал основой пролетарской культуры. Такой театр в определённой степени должен возродить традиции античности, так как в античности был «самый великий театр». А причина его уникальности была в том, что афинский театр был государственным, общенародным и воспитательным. Пролетарский, революционный театр должен быть ещё грандиознее. Луначарский поднимая вопрос о репертуаре, советовал обратить внимание на трёх великих трагиков, а также на умный смех Аристофана[3]).

[2] Дневники (1939-1944) годов Ханна Геремек нашла в Петербурге.

[3] «Журнал министерства народного просвещения», No XI-XII, 1917, с. 50, [в:] Дератани, Радциг 1956: 180.

Когда в июне 1922 года Фаддей Зелинский был за границей (уже обосновался в Варшаве), в российской печати появилась его *Красная наука*. (Статьи Зелинского были полностью собраны Ханой Геремек и изданы в книге *Kultura i rewolucja* [*Культура и революция*]):

«Наука не совпадает с истиной, она является отражением истины в человеческом разуме. (…) не подвергается каким-либо окраском (…) Наука будет тем более красная (белая или чёрная), чем меньше будет наукой» (Zieliński 1999: 89).

Его приводило в ужас то, что большевики пытаются контролировать то, о чём учёные говорят во время лекции. Конечно, они могли прибегнуть к уловке, применяя «эзопов язык», таким образом спасаясь от цензурного вмешательства. Совершенно очевидно, что большевики могли профессорские кафедры заполнить «своими людьми», которые говорили бы в один голос, но это становилось проблемой, так как в тогдашней науке таких «своих людей» не было. Не было кому блеснуть талантом, а ложь и качество предоставляемых теорий, интеллигентный слушатель сразу бы определил в словах (Zieliński 1999: 94).

«Свобода, неотъемлемый атрибут науки, и вы её от остальной Европы отделили. (…) Наука отреклась от схоластики (…), инквизиции, отречётся и от большевизма» (Zieliński 1999: 94-95).

Статья была опубликована в альманахе «Утренники» и вызвала бурю. Как об этом говорит Ханна Геремек, она появилась в особое время. Не прошло и трёх месяцев, как была опубликована статья Ленина о том, что основной задачей является контролирование интеллигенции, которая своей пассивностью может повредить целой новой системе. Позже (1922-1923 гг) эта статья послужила предлогом для высылки за пределы страны 160 представителей российской интеллигенции, без возможности протеста (под угрозой смертной казни), в знаменитом рейсе, на так называемом «корабле философов».

На первом торжественном докладе в Варшавском университете, Фаддей Зелинский сказал:

«Если Варшава призывает, то ни один поляк не может остаться глухим к этому призыву» (Zieliński 2005: 191).

Когда учёный приехал в Польшу, у него была уже международная слава: доктор философии Лейпцигского университета, профессор Санкт-Петербургского и Варшавского университетов, член-корреспондент Российской Академии Наук, доктор Honoris causa четырнадцати университетов Европы, один из последних лауреатов Пушкинской премии, почётный член по разряду изящной словесности ПАН, член Баварской, Британской, Парижской, Румынской академий наук В двадцатых годах дважды был кандидатом на Нобелевскую Премию. Должность профессора предлагали ему многие иностранные университеты, но он выбрал возрождающуюся Польшу (Mortkowicz-Olczakowa 1959: 294). В это время Польша, которая раньше пережила три раздела, войну 1914 года, падение трёх империй она приняла началом националльного возрождения страны. Стала развиваться, возвращались из-за рубежа учёные с бесценными знаниями, бросая свои посты на зарубежных университетах. Вернулись: Габриэль Нарутович, Ян Бодуэн де Куртенэ и Лев Петражицкий. С 1886 года у Зелинского почти не было никаких контактов с Польшей. Он плохо говорил по-польски. Время от времени свои статьи он посылал в польский филологический журнал «Eos», и только от польских беженцев, которые приезжали в Петербург, он узнал, что на родине пользуется большим авторитетом (Zieliński 2005: 190). Письмо с предложением Сената Варшавского универитета поста профессора должно было пересеч линию фронта войны польско-большевистской. В этом письме они вежливо спрашивали, каких условий ожидает Зелинский. У него не было никаких желаний (Zieliński 2005: 191). В это время на родину возвращалось много поляков. Назначение Зелинского профессором университета было подписано 23 января 1920 года главой государства, маршалом Юзефом Пилсудским. Осталась одна, важная проблема, а именно, как выбраться из Петербурга? В этом помог Анатолий Луначарский, благодаря которому, семья Зелинских получила нужные для выезда документы. Зелинский получил подписанную Луначарским, научную командировуку на один год. В знак признания заслуг и для обеспечения безопасности, Анатолий Луначарский проводил профессора на вокзал. Там тогдашний нарком просвещения сказал ему: «Теперь уже всё зависит от вашей сообразительности» (Zieliński

2005: 193). (Наверное думал, что профессор не вернётся). Фаддей Францевич прорывался через линию фронта; с одной стороны были отряды большевиков, с другой – польские патрули, а у них (он ехал не один, у него была семья) всё время были ещё русские документы, но польские пограничники даже не проверили этих документов. С тревогой на душе, они добрались до Варшавы. Как только они появились в Варшаве, сразу получили польские документы и польское гражданство. Но командировка у него была только на год, после чего надо было возвращаться в Петербург. В это время большевистская армия стояла у ворот Варшавы. Зелинский, опасаясь за свою старшую дочь, которая в голодающем городе не получала отцовской зарплаты, к удивлению всех, вернулся в Петроград. Наверно, он, как профессор и честный человек, не хотел нарушить слово. Но, в Петрограде Фаддей Францевич только ждал подходящего момента, чтобы опять уехать. Таким моментом был мирный договор. Под предлогом заграничной командировки Зелинский окончательно перебрался из Петрограда в Варшаву. Уезжая он был вынужден оставить свою научную библиотеку. Библиотека была спрятана в подвале Академии Наук, но во время наводнения она была уничтожена.

Россию учёный покинул навсегда 22 апреля 1922 года и опять обосновался в Варшаве, возглавляя кафедру классической филологии. Его языком теперь стал польский, которым учёный владел не в таком совершенстве, как русским или немецким. Об этом пишут его издатели (Mortkowicz-Olczakowa 1959: 296). Однако, в Варшаве не все с симпатией приняли этого «блудного сына», как он сам о себе говорил (Zieliński 2005: 191). Его обвиняли в том, что он недостаточно польский, или «неправильно» польский (Zieliński 1999: 6). В защиту своего коллеги выступал профессор Мариан Плезия, учёный-филолог, медиевист, связанный с краковской академической средой. Благодаря ему, многие труды Зелинского были переведены на польский язык. Несмотря на все трудности и невзгоды, перемену обстановки, потерю библиотеки, учёный писал: «Только в Польше ветер дул в мои паруса» (Zieliński 2005: 192). Для его научной работы это был очень хороший, почти идиллический период. Польша приняла его с почестями: профессура в Варшавском университете, ежегодные командировки на симпозиумы. Здесь ему было легче

поддерживать контакты с западноевропейскими университетами и всем учёным миром. Оттуда он мог ездить на конференции в любые города Европы. Фаддей Францевич так погрузился в научную работу, что даже не заметил, как от немецких рубашек политический мир становится всё более коричневым. Не замечал надвигающейся опасности.

За выдающийся вклад в развитие немецкой культуры, в 1932 году он получил Медаль Гёте. Зелинский газет не читал, не обращал внимания на заголовки, занимался своим собственным творческим делом. Он не знал о том, что до 1939 года Германию покинуло 3000 учёных, в том числе 24 лауреата Нобелевской премии. (Можно сказать, что многим немецким учёным, которые пострадали от первых акций нацистов, попросту повезло, потому что санкции вынудили их покинуть Германию, когда это было еще возможно). Ханна Мортковича-Ольчакова (дочь Якуба Мортковича, издателя книг Зелинского), пишет в воспоминаниях, что старик – Фаддей Зелинский – потерял чувство реальности. Хорошие жизненные условия и помощь дочери Вероники, которая очень любила отца и трогательно заботилась о нём, дали ему возможность работы. Учёный, наполненный творческой энергией, интенсивно работал над задуманным раньше своим главным трудом по истории античных религий. К двум книгам, изданным ещё в России, он добавил два объёмистых тома: *Эллинизм и иудаизм*, и *Религия Римской Республики*. Замысел исследования истории античных религий появился ещё в молодости. Противопоставляя элленизм иудаизму, Зелинский доказывал, что именно сейчас, в XX веке наступило время лидерства славянского мира. Учёный не понимал, что его взгляды представляют угрозу для евреев, и похвалу зарождающемуся фашизму (Mortkowicz-Olczakowa 1959: 297-298). Его встреча в 1934 году с Йозефом Геббельсом в Варшаве была подвергнута суровой критике польской интеллигенции, но для учёного, Германия была родиной Гёте и Шиллера, родиной истинных научных друзей. Удовлетворённый визитом Геббельса, Зелинский приветствовал его, выступая с докладом на торжественном заседании Международного союза интеллектуалов. Доклад по радио был передан на всю Польшу, а в газетах были помещены фотографии профессора с немецким офицером, со свастикой на рукаве.

Всё это имело место уже после выступления министра пропаганды доктора Геббельса на Университете Гумбольдта в Берлине, и акции публичного сожжения книг перед университетом. Зелинский не мог понять, почему он стал объектом атаки членов польских левых сил (Mortkowicz-Olczakowa 1959: 299). Если кто-нибудь рассказал бы ему, как будет выглядеть Европа в ближайшее время, профессор не поверил бы.

Благополучная карьера профессора оборвалась в 1939 году, когда немецкие войска вошли в Варшаву. Началась оккупация Польши, университет был закрыт. Профессор какое-то время продолжал жить в здании, которое разбомбили фашисты. Атмосфера этих дней воссоздана в воспоминаниях Ханны Морткович-Ольчаковой: «Седой профессор бродит среди развалин, между полуразрушенными базарами, на улице Ордынацкой. Он бредёт в толпе, надеясь найти пищу для себя и больной дочери. Пустая сумка в руке, и голос, пресекающийся от слёз» (Mortkowicz-Olczakowa 1959: 300). Он жил в полуразрушенном здании, где пламя пожара уничтожило драгоценные книги и рукописи «…между ними сидел профессор похожий на больную птицу» (Mortkowicz-Olczakowa 1959: 301). От оккупационных властей профессор получил разрешение поехать к сыну в Баварию. По дороге он читал книгу Маргарет Митчелл «Унесённые ветром» (Zieliński 2005: 254). А в это время, в Америке, состоялась премьера одноименного фильма (главные роли сыграли Вивьен Ли и Кларк Гейбл). Зелинский мечтал поехать в Италию, но этой мечте не было суждено сбыться. Первоначально он жил в Ландхайм (это был интернат с полным содержанием), потом власти сочли неуместным пребывание поляка с учениками элитарного заведения и он переселился в Шондорф к своему сыну Феликсу, который в здешней гимназии работал учителем. Из-за болезни он не совсем понимал, что случилось. Переписывался с друзьями из Польши, спрашивая о театральных премьерах, университетских сплетнях и издательских новостях. Он все время расспрашивал друзей о судьбе коллег по университету. (Но он не успел узнать, что многие, в том числе самые близкие, погибли в Варшавском гетто). Он систематически переписывался с друзьями: Станиславом Пигонем, Стефаном Сребрным, писал Мариану Плези, а своим польским издателям постоянно

обещал свои новые книги (Mortkowicz-Olczakowa 1959: 301). Ян Парандовский вспоминает, как во время войны он получил итальянский журнал «Scietia», а в нём – на французском языке статью подписанную именем Зелинского – Thadee Zieliński, professeur a l' Universite de Varsovie. Варшавский университет был тогда закрыт, а немецкий губернатор обещал, что на польской земле никогда не будет университетов (Zieliński 1972: 12-13). Только таким образом он мог доказать миру, что польская наука существует. Польские письма подвергались цензуре, не было возможности написать профессору о том, что гестапо арестовало краковских профессоров (так называемое «Зондеракцион Кракау»), не было возможности написать о подпольных университетах, о систематическом преследовании и истреблении евреев.

Шондорф было последним приютом старого профессора. Фаддей Францевич Зелинский умер 8 мая 1944 года и похоронен на кладбище в Шондорфе.

О любовных победах учёного сплетничал весь Петербург. Злые языки утверждали, что у профессора Зелинского «есть дети во всех университетах мира» (Mortkowicz-Olczakowa 1959: 229). Однако об этом в своих воспоминаниях учёный молчит. Только Ханна Геремек в открытую говорит о «внебрачных детях» Фаддея Зелинского (Zieliński 2005: 204). Но сам учёный, который считал, что должен оставить на земле много детей, никогда, ни разу не вспомнил своего одарённого сына, самого известного из своих детей, автора переводов из древних языков, которые в России стали «культовыми».

Если бы в научных журналах был раздел «светская хроника», наверно 1898 год (год рождения внебрачного сына) вызвал бы огромный резонанс в общественных научных кругах. Не все знают, что один из самых известных русских и советских переводчиков античности, родился вне брака у Веры Викторовны Петуховой, молоденькой курсистки от известного филолога-классика. Внебрачного ребёнка усыновил дед Веры Викторовны, Иван Осипович Пиотровский (оттуда и взялось по всей вероятности его отчество – Адриан Иванович). Место рождения сомнительно, по одним данным это Вильньюс, по другим – Дрезден, потому что мать ребёнка в подходящий момент отказалась от общественной жизни Петербурга.

(Виктор Ярхо, российский филолог-классик, автор научных комментариев к переводам Пиотровского, предполагаемым местом рождения указывает: Вильньюс, а по другим данным – Дрезден [Аристофан 2000: 943].) По словам Ярхо, биологический отец очень заботился о сыне, посвящал ему особенно много внимания. Неотъемлемой частью воспитания сына были поездки в Грецию, куда с ранних лет он ездил с отцом. Во время экскурсий отец пытался привить ему увлечение атничной культурой. Он позаботился о том, чтобы сын мог учиться в самой лучшей и престижной немецкой гимназии Петришуле в Петербурге. Этот выбор был неслучайным, отец старался развить в сыне интерес к античности и классическим языкам. Ещё до начала образования он хорошо освоил вопросы классицизма, с юности владел греческим, латинским и немецким языками. Так что выбор факультета, наверно, никого не удивлял – он поступил на отделение классической филологии. Его отец привил ему увлечение античным театром, а особенно творчеством Эсхила и Аристофана. Говоря о своём увлечении афинским автором, Адриан Пиотровский всегда подчёркивал карнавально – народный характер его комедий, цирковые и акробатические трюки, которые потом мы найдём также в театральных инсценировках после Октября (Аристофан 2000: 944). Ещё в студенческие годы он опубликовал собственный перевод с древнегреческого поэзии Феогнида, а потом начал работу над переводом комедии Аристофана. В 1923 году были изданы комедии: *Ахарняне*, *Всадники*, *Лисистрата*. После окончения университета, к предыдущим изданиям ещё добавил: *Облака*, *Осы*, *Птицы*, а в 1930 году – *Лягушки,* и *Женщины в народном собрании*[4]. Адриан Пиотровский перевёл все 11 сохранившихся комедий Аристофана. Стратегия перевода привела к тому, что все они оформлены в одном стиле. Они были изданы в двухтомнике в 1934 году. Переводы Адриана Пиотровского 1920-1930 гг. закончили работу, начатую ещё при Петре Великом. До сегодняшнего дня он остаётся главным переводчиком Аристофана в России. Каждое последующее издание мгновенно исчезает из книжных магазинов. Они представляют собой абсолютное уникальное явление на книжном рынке.

[4] Эти переводы до сих пор продолжают переиздаваться. Последнее издание было опубликовано в 2013 году.

Когда мы держим в руках новенький, «упитанный» том дошедших до нас одиннадцати пьес (изданный в 2000 году), мы должны помнить о «жестокой» сталинской цензуре, и о том, что «через четыре года, после гибели переводчика, он был поруган ножницами и тушью цензоров. Многим памятны обезображенные экземпляры этого двухтомника, напоминавшие тела средневековых преступников, изувеченных щипцами палача»[5]. Когда Адриан Пиотровский перевёл уже все комедии Аристофана, в 1935 году он публикует перевод Эсхила *Прометей прикованный*, а в 1937 году, уже после смерти Пиотровского, были изданы, остальные трагедии марафономаха. Весной 1937 года была опубликована антология *Древнегреческая драма* в которой нашлись: Софокла *Царь Эдип*, Еврипида *Ипполит* и Менандра *Третейский суд*. Это была последняя книга, изданная при жизни переводчика. У него, как и у его отца, были всесторонние способности, его занимала масса вещей, интересовало всё. Он перевёл с латинского языка Петрония *Сатирикон,* Апулея *Золотой осёл* и поэзию Катулла. Адриан Иванович Пиотровский был руководителем Высших государственных курсов искусствоведения, был не только директором, но сам читал лекции по истории античного театра (Аристофан 2000: 944). Он сотрудничал с театром МХАТ и Всеволодом Мейерхольдом, вместе работали в петроградском Театральном отделе Наркомпросса (Народный комиссариат просвещения, государственный орган РСФСР контролирующий все культурные сферы, образование и искусство), в это время, когда А. Луначарский был назначен народным комиссаром по просвещению. В театре-студии, возглавляемой Мейерхольдом, он читал лекции. Выступал как драматург и либретист. Вместе с Сергеем Радловым они приготовили инсценировку *Лисистраты,* а также школьную инсценировку *Битвы при Саламине.* Сотрудничал также с Дмитрием Шостаковичем и Сергеем Прокофьевым, для которого с Сергеем Радловым они сочинили либретто к балету *Ромео и Джульетта,* но после трагической смерти Пиотровского, его имя исчезло с афиши. На протяжении двух десятилетий он очень много сделал. Он осуществлял массовые празднества, работал заведующим литературной

[5] Эти переводы до сих пор продолжают переиздаваться. Последнее издание было опубликовано в 2013 году.

частью Большого драматического театра, Ленинградского ТРАМа, Малого оперного театра, в Мариинском театре работал завлитом, возглавлял художественный отдел ленинградского Губполитпросвета и руководил художественной самодеятельностью города. С 1928 – по 1937 год, он был художественным руководителем Ленинградской киностудии «Ленфильм». В 1935 году молодой ленинградский композитор Дмитрий Шостакович закончил работу над балетом на советскую, колхозную тему, *Светлый ручей*. Автором либретто был Адриан Пиотровский. Сюжет балета очень прост: действие разворачивается в колхозе «Светлый ручей», где колхозники, завершив свою работу весело танцуют вместе с профессиональными артистами, которые приехали к ним на предстоящий праздник урожая. На одно из представлений *Светлого ручья* пришёл Сталин. Вождю зрелище не понравилось, и 6 февраля 1936 г. в газете «Правда» – (которая была органом ЦК ВКП(б)) – была опубликована статья под названием *Балетная фальшь*[6]. Партийным цензорам не понравился балет, представляющий молодых артистов, которые приехали выступать в советском колхозе. Цензоры утверждали, что он льстит вкусам дореволюционной публики и показывает кукольное, фальшивое отношение к колхозной жизни. Спектакль немедленно был снят с программы театра, все запланированные представления отменены, и в течение следующих лет не ставился. Весной 1937 года над Адрианом Пиотровским уже начали сгущаться тучи. 10 июля 1937 года Пиотровский был арестован НКВД по обвинению в шпионаже и диверсии, и расстрелян 15 ноября 1937 года (Clark 1995: 291-292). В течение многих лет его переводческие труды выходили без указания имени, прочие работы не переиздавались. Лишь в 1969 году был издан сборник его статей и сборник статей о нём. Приказом Никиты Хрущёва от 25 июля 1957 года Адриан Иванович Пиотровский был реабилитирован.

«Античность интересует меня только потому, что дает возможность понять современность. Если бы это было не так, я бы не интересовался античностью» (Аристофан 2000: 945). – говорил Адриан Пиотровский.

[6] Первая постановка состоялась 04.06.1935 г. в Малом оперном театре, в Ленинграде.

БИБЛИОГРА́ФИЯ

Аристофан, 2000, *Комедии*, *Фрагменты*, пер. А. Пиотровского, Москва.
Clark K., 1995, *Petersburg: Crucible of cultural revolution*, Cambridge.
Дератани Н. Ф., Радциг С. И., [ред.] 1956, *Аристофан – сборник статей*, Москва.
Mortkowicz-Olczakowa H., 1959, *Bunt wspomnień*, Warszawa.
«О переводах вообще и о переводе Аристофана в частности», [on-line:] http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke5/ke5-7501.htm (20.04.2014).
Zieliński T., 1972, *Szkice antyczne*, Kraków.
Zieliński T., 1999, *Kultura i rewolucja. Publicystyka z lat 1917-1922*, Warszawa.
Zieliński T., 2005, *Autobiografia. Dzienniki 1939-1944*, Warszawa.